

Иноичи сидит перед непочатой бутылкой в коридоре перед их гостиничным номером, а его генин спит внутри. С одной стороны, он все еще находится на миссии, а его детям завтра предстоит сдавать вторую часть экзаменов на чуунина. С другой стороны, наблюдать за тем, как десятилетний Нацу накладывает на рычащего и черноглазого Гаару такую сложную печать, что у него начинает болеть голова, было более чем достаточно, чтобы видеть кошмары. Нацу даже не вздрогнул, когда Шукаку сделал всё возможное, чтобы помешать ей запечатать его, а Иноичи не смог ничего сделать. Каждый раз, когда он или дети пытались приблизиться, песок срывался и тянулся к ним, а Нацу говорила, что справится с этим. Иногда он забывал, насколько огромны запасы чакры его ученицы, но наблюдение за тем, как она использует эту чакру, чтобы почти без усилий прижать к себе джинчуурики, напомнило ему об этом. Если она не сдаст этот экзамен, он представит свой доклад о том, почему она заслуживает повышения до чуунина.

Дверь открывается и закрывается, и Иноичи поднимает глаза: Кабуто устало садится напротив него. Они смотрят друг на друга, а затем Кабуто достает бутылку, откупоривает ее и начинает пить. Он протягивает бутылку Иноичи, и тот долго рассматривает ее и шестнадцатилетнего юношу, прежде чем принять бутылку и сделать свой здоровый глоток.

"Что за хрень", - говорит он. Он передает бутылку обратно Кабуто.

Тот серьезно кивает: "Чертово дерьмо".

Они пьют почти до рассвета. Это единственные слова, которыми они обмениваются.

~

"Я очень горжусь тобой", - говорит Кабуто, и он уже говорил эти слова в такой же ситуации, но тогда он лгал. Сейчас он не лжет, потому что, вопреки всему, он действительно заботится об этих двух девушках, любит их, возможно, потому что они - самое близкое, что у него есть, кроме Орочимару-сама. "Вы, ребята, будете отличными чуунинами".

Ни Хана, ни Нацу не смотрят ему в глаза. Так всегда начинается, так его бросают, а Кабуто улыбается и делает вид, что ему не больно.

Четкие официальные бумаги, объявляющие Нацу чуунином, сминаются в ее кулаке. "Мне так жаль", - шепчет девочка. Хана громко фыркает, Кабуто умеет справляться со многими вещами, но плачущие девочки никогда не входили в их число.

"Все в порядке! Ничего страшного", - настаивает он.

Нацу проводит рукой по глазам: "Я... ты... Это несправедливо! Ты такой же сильный, как и мы!"

"Нацу?" - неуверенно произносит он.

Хана кивает, наконец-то посмотрев ему в глаза. "Это неправильно! Ты потрясающий ниндзя-медик, Кабуто. Кому какое дело до того, что твои тайдзюцу и ниндзюцу - дерьмо? Не каждому ниндзя суждено получить А-ранг или быть на передовой!"

"Это чушь!" кричит Нацу, а Кабуто разевает рот: "Ты классный, ты наш товарищ по команде! Ты должен двигаться вместе с нами, мы должны быть вместе!"

Все остальные члены его команды с облегчением избавились от него, когда сдали экзамены на чуунина. Он так долго сжимал в груди клубок злобной ненависти, но, глядя на отчаянные лица Ханы и Нацу, почувствовал, как тот рассыпается. "Все в порядке, - тепло говорит он, уже забыв, что может чувствовать себя таким, - я действительно не против. Может, мне просто суждено стать генином".

Нацу качает головой. Хана скрещивает руки, хмурится и говорит: "Ты не имеешь права забывать о нас!"

"Что?" Кабуто моргает.

"Ты не общаешься со своими прошлыми товарищами по команде, - горячо продолжает Хана, - и это нормально, они все равно тебя не заслуживали. Но мы - твоя настоящая команда, и ты нас не бросишь!"

"Думаю, в этом случае ты бы оставила меня", - ошарашенно замечает он.

"Мы бы никогда!" Нацу клянется: "Мне все равно, что ты еще генин, когда я стану джоунином, ты всегда будешь моим товарищем и другом!"

Хана хватается за руку Кабуто в свою: "Вы - стая, ты, Нацу и Иноичи-сенсей, и что бы ни случилось, я не отпущу никого из вас".

Нацу хватается за другую руку и яростно кивает. Обычно спокойное лицо Кабуто расплывается в самой большой ухмылке, которую они когда-либо видели на его лице: "Ладно. Не похоже, что у меня есть большой выбор в этом вопросе, верно?"

"Точно!" обрадовались Хана и Нацу.

Иноичи, который все это время наблюдал за обменом мнениями, не может дождаться того момента, когда все узнают, что Кабуто повышают до чунина-медика-нина.

Возможно, ему придется пару дней прятаться от своих страшных детей-чунинов, когда они узнают, что он им не сказал, но это того стоит.

~

Уже почти закат, когда они возвращаются в деревню, и первым их действием как новоиспеченных чуунинов должно быть посещение хокаге и получение официальной комиссии и жилетов, но...

"Идите, - говорит Иноичи ей и Хане, - расскажите кому надо. Встретимся в цветочном магазине через неделю, и я дам вам новые задания и расписание пограничного патруля".

"Спасибо, Иноичи-сэнсэй!" щебечет Хана и, вскочив на самого крупного из своих нинкенов, уносится в сторону комплекса Инудзука.

Нацу обнимает Кабуто, затем Иноичи и подмигивает им обоим, после чего тело исчезает. Какаши в деревне не видно, но Итачи здесь. Обычно она не беспокоит его дома, но это очень важно, и он простит ее только в этот раз.

Сначала она чувствует запах крови. Аромат сразу же доносится до нее, густой и приятный. Затем она видит тела, разбросанные вокруг; темные волосы Учихи и глаза мертвого Учихи встречают ее полный ужаса взгляд.

"Нет", - шепчет она, и бежит через комплекс, и повсюду тела, дети и мирные жители, все они - Учиха. Но она знает чакру Итачи, он все еще жив, самый могущественный клан Конохи не может исчезнуть совсем.

Она заходит в главный дом, а там стоит Итачи, живой и невредимый, хотя и забрызганный кровью. Она не может определить, насколько сильно он ранен, ведь кровь забивает все ее чувства: "Сенпай! Что случилось, ты ранен, о боже..." Итачи поворачивается к ней лицом, и, когда он двигается, она видит тела его матери и отца, остывающие на полу. Она закрывает рот рукой: "Нет, кто... кто мог это сделать, твой отец такой сильный!"

"Нацу", - говорит он, и голос его мертв и холоден, и она вздрагивает от него: "Уходи отсюда".

"Ты прав, нам нужно идти", - она делает шаг вперед, чтобы оторвать его от ужасающего зрелища, - "Пойдем, мы должны рассказать хокаге..."

"Аники?" Нацу и Итачи поворачиваются, чтобы увидеть испуганного мальчика в дверном проеме: "Это..."

"Не смотри!" Нацу бросается вперед и поднимает младшего брата Итачи на руки. Он почти слишком большой, чтобы она могла его поднять, но она сильная, поэтому обхватывает его за бедра, а другой рукой держит его голову, склоненную к ее плечу. "Саске, не смотри, ладно? Пожалуйста".

"Хорошо", - шепчет он, впиваясь пальцами в ее плечи.

Она целует его в макушку, и это ужасно эгоистично, но если все остальные Учихи мертвы, она благодарна, что эти двое не умерли. "Сенпай, нам нужно идти, тот, кто это сделал, может вернуться. Это небезопасно".

"Я сделал это", - говорит Итачи. Вышло грубо, и ему приходится прочистить горло, прежде чем продолжить: "Я убил клан Учиха".

"Что?" Нацу качает головой и говорит: "Это что, чувство вины выжившего или что-то вроде того? Слушай, я знаю, что это ужасно, но ты не виноват. Сенпай, мы должны идти..."

"Я убил Учиху", - повторил Итачи, и Саске затрясся в ее руках: "И если ты не убежишь, я убью и тебя".

<http://tl.rulate.ru/book/105584/4028911>